

В. Г. Белинский

«Сочинения Николая Греча»

Виссарион Белинский
Сочинения Николая Греча

«Public Domain»

1838

Белинский В. Г.

Сочинения Николая Греча / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1838

ISBN 978-5-457-13826-1

«...Г-н Греч написал два романа и одну повесть; но мы тем не менее почитаем его совершенно чуждым сферы поэзии, понимая под этим словом искусство, творчество, художество; но это не мешает нам смотреть на его романы, как на приятный подарок публике, как на сочинения, имеющие большое литературное достоинство. Вообще, по нашему мнению, г. Греч не поэт, не ученый, но литератор, по достоинству занимающий в нашей литературе одно из видных мест и оказавший ей большие услуги. Что такое литератор? – Публицист, литературный фактор при публике, человек, который, не производя ничего прочного, безусловного, имеющего всегдашнюю цену, пишет много такого, что имеет цену современности; не научая, дает средства научиться; не восторгая, доставляет удовольствие...»

ISBN 978-5-457-13826-1

© Белинский В. Г., 1838

© Public Domain, 1838

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Виссарион Григорьевич Белинский «Сочинения Николая Греча»

III. Сочинения Николая Греча. Санкт-Петербург. 1838. Пять частей: I – 270; II – 260; III – 274; IV – 374; V – 366 и XX (8). С эпиграфом:

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!

Дмитриев.^[1]

«Нет правды на свете!» – восклицают утвердительно угрюмые скептики, иные разочарованные опытом, иные ожесточенные неудачами, иные просто по сознанию собственной неправдивости. С такими людьми нечего и спорить: они слепы от рождения, и зрячие никогда не уверят их, что на небе каждый день ходит *красное* солнышко и разгоняет темноту ночи и что самые ночи часто освещаются *красным* месяцем. Но есть другие скептики, не столько важные, но не менее упрямые: эти от всей души убеждены в дерзкой мысли, что будто бы «нет правды в журналах». Господи боже мой, что за свет такой нынче стал: ничему не верят, во всем сомневаются, даже – могу ли выговорить без ужаса! – даже – в журналах! Но шутки в сторону; поговорим сурьезно. Лжи, умышленной и неумышленной, в журналах так же много, как и во всех делах человеческих, но в них же много и святой истины, хотя и гораздо меньше, чем лжи. Но живет одна истина, и действительна только одна истина: ложь есть призрак – и если бывает действительна, то не иначе, как отрицательная истина, как служительница истине. Мир так чудно устроен, что во всех процессах его жизни видишь большею частью одну ложь и редко, редко святую истину; но результатом этих процессов *всегда* бывает только истина и *никогда* ложь. То же и в журналах. Было время, когда нападки на Пушкина сделались каким-то критическим удалством и щегольством. Дело зашло так далеко, что один журналист (не помним его имени) в *седьмой* главе «Онегина» увидел – что бы вы думали? – *совершенное падение, chute complete*, и второпях, на радости, неосторожно поспешил провозгласить его на двух языках: русском и французском.^[2] Другой журналист того же разбора встретил появление «Бориса Годунова», это громадное создание великого гения, драгоценнейшее достояние отечественной литературы, – встретил его плоским пасквилем в дурных виршах:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел:
И стих его не звучен,
И гений охладел.
«Бориса Годунова»
Он выпустил в народ:
Убогая обнова!
Увы! на новый год!^[3]

Но что же? – всё это послужило не к унижению, а к возвышению поэта: споры, толки и крики заставили глубже взглянуть в его творения и тем вернее оценить их; а ожесточенное гонение показало только то, что чем огромнее слон, тем сильнее претензии мосек на храбрость. Это было, а теперь мы скажем сказку, для доказательства той же истины. Этого нет,

^[2] Имеется в виду рецензия Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина» («Сев. пчела» 1830, № 35).

^[3] Напечатано в газете М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий» (1831, № 1), которая совместно с «Сев. пчелой» Булгарина травила Пушкина.

но предположим, что это есть; предположим, что несколько журналов, как будто бы стакнувшись, изо всех сил хлопотали об унижении, например, хоть Гоголя, уверяя, что всё его достоинство состоит в комизме, и то тривиальном.^{4} Что же? Вы думаете: публика поверит журналистам? Нет: в их криках она услышит оханья от царапин, нанесенных маленькому самолюбию какою-нибудь журнальной статьею вроде литературного обзора или отчета;^{5} в их воплях она услышит стоны от глубоких ран, нанесенных самолюбивой посредственностью гордым дарованием; услышит скрежет зубов бледной зависти, раздраженной презиравшим ее достоинством; следовательно, в самой лжи публика откроет истину. Слава богу, что всё это только предположение, а не факт; но если бы это был факт, то журналисты, которых мы предположили, ошиблись бы в своем намерении и на зло самим себе способствовали бы утверждению истины. Всё, что ни живет, ни действует, всё служит духу истины; только одни служат ему с целью служить именно ему, следовательно, сознательно, а другие служат ему, думая служить своим конечным, мелочным целям.

Отделение критики и библиографии в журнале многие считают не только бесполезным, но и вредным, потому что, говорят они, это-то отделение журнала и есть фокус его пристрастия, недобросовестности, лжей, клевет; тут раздаются похвалы и венки бессмертия писателям своего прихода, и тут же унижаются и уничтожаются все чужие, не наши. Эта картина преувеличена, но в ней есть и правда. Повторяем: где люди, там и несправедливости, ошибки, пристрастие, ложь, но там же и истина. Умейте только открыть ее в самой лжи, и вас не обманут. Вы дались в обман, — сами виноваты. Что ж делать, если иной читатель, прочтя насмешливую похвалу какой-нибудь книжонке, которой журналист не разбирает, но над которою он тешится, примет брань за похвалу и купит книгу? В одном журнале книгу хвалят, в другом ее бранят: кто же прав? — Решайте сами. Если вы не в состоянии отличить холодных похвал, вынужденных расчетом или обстоятельствами и состоящих в общих местах и форменных комплиментах, от похвалы задушевной, искренней, теплой, вышедшей из одушевления предметом похвалы, — то опять вы же виноваты. Если вы не умеете отличить хитросплетений пристрастия от прямодушного отзыва, — то опять-таки вините не журналы, а самих себя. Кроме того, разногласие журналов в отзывах о книгах происходит гораздо более от разности их взгляда на вещи, нежели от умышленного пристрастия. Зачем везде видеть одну недобросовестность? Я берусь вам доказать неопровержимыми фактами, что из *тысячи* сочинений, разобранных в продолжение года нашими журналами — не оцененных или похуленных вследствие недоброжелательства к авторам, пристрастия и расчета, наберется едва ли 100, а если из остальных 900 не все оценены по достоинству, то не умышленно, а по свойственной людям слабости — ошибаться в истине. Следовательно; 1/10 умышленной лжи на 9/10 добросовестности, хотя и не чуждой промахов и ошибок: согласитесь, что зло еще далеко не так сильно над добром, как думают! А как часто случается читать в наших журналах единодушные отзывы об иной книге. Нет! всё благо, всё добро! Читатели, покупающие книги по рекомендации журналов, не полагаясь на собственное суждение, по недостатку данных, не напрасно так поступают: самые несметливые из них избавляют себя этим от многих обманов книжной производительности, а сметливые и совсем избегают их. И потому-то теперь библиографическое отделение сделалось не переменным условием всякого журнала и первое, прежде других статей журнала, разрезывается и прочитывается нетерпеливою публикою. Кто что ни говори, а *необходимость* и *потребность* всегда возьмут свое.

Некоторые из читателей, опытных в деле журналистики, часто заранее знают, какой приговор последует в том или другом журнале той или другой книге. Так, например, мы

^{4} Речь идет о «Библ. для чтения», «Моск. наблюдателе» периода 1835–1837 гг. и о «Сев. пчеле».

^{5} Белинский имеет в виду статью Гоголя: «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанную в пушкинском «Современнике» (1836, № 1). Здесь Гоголь, сделав ряд критических замечаний по адресу «светского» «Моск. наблюдателя», наиболее острой критике подверг «Библ. для чтения» и беспринципную «Сев. пчелу». См. н. т., стр. 181–183.

уверены, что многие из читателей, приступив к чтению нашей статьи или еще только увидев в ее начале титул сочинений г. Греча, скажут – иные с улыбкою удовольствия: «Посмотрим, как его тут отделали!», а иные с улыбкою недоверчивости и презрения: «Посмотрим, как тут грызутся». Но мы очень рады обмануть ожидание тех и других и доказать фактом, что не все предсказания сбываются и что в нашем журнале высказываются мнения не о *лицах*, а о *сочинениях*.

Во всяком отчете о литературных трудах первым и главным делом должно быть определение взгляда, точки зрения на рассматриваемые сочинения. В упущении из виду этого правила и состоит ошибочность суждений критиков и рецензентов. Обыкновенно прочтут роман и, не найдя в нем художественного произведения, осуждают его на аутодафе, не подумав о том, что автор и не думал претендовать на титул поэта, а хотел просто написать быль или сказку, для удовольствия и пользы читателей, и совершенно достиг своей цели, потому что нашел себе многочисленных читателей и почитателей. Что нужды, если в романе нет творчества, но есть вымысел, занимательность; нет фантазии – есть воображение; нет глубоких идей – есть верные практические замечания о жизни, плод опытности и знакомства с жизнью не по одним книгам; нет огня поэзии – есть теплота чувства; нет вдохновения – есть одушевление; нет образов – есть портреты; нет художественности в обработке – есть слог, язык? Что нужды, что это произведение не вековое, не бессмертное? – автор и не имел на это претензии: он хотел доставить своим современникам средство к благородному или полезному развлечению – и достиг своей цели. От автора должно требовать ни больше, ни меньше того, что он обещал. Забывая это правило, бранят книгу, которая имела заслуженный успех, и тем оподазривают у публики и себя и критику. Другое дело, когда бездарный бумагомаратель или даже и писатель не без достоинств, но не поэт и не ученый, является с претензиями на художническую или ученую гениальность и, как говорится, садится не в свои сани: тогда долг критики указать ему его настоящее место.

Итак, прежде всего скажем, как смотрим мы на литературные труды г. Греча, какое место даем ему в русской литературе. В этом будет состоять и наш отчет о сочинениях г. Греча.

Г-н Греч написал два романа и одну повесть;^{6} но мы тем не менее почитаем его *совершенно* чуждым сферы поэзии, понимая под этим словом искусство, творчество, художество; но это не мешает нам смотреть на его романы, как на приятный подарок публике, как на сочинения, имеющие *большое* литературное достоинство. Вообще, по нашему мнению, г. Греч не поэт, не ученый, но литератор, по достоинству занимающий в нашей литературе одно из видных мест и оказавший ей большие услуги. Что такое литератор? – Публицист, литературный фактор при публике, человек, который, не произведя ничего прочного, безусловного, имеющего всегдашнюю цену, пишет много такого, что имеет цену современности; не научая, дает средства научиться; не восторгая, доставляет удовольствие.

Он пишет статью и о современном событии, отдает отчет о книге, издает журнал или участвует в нем; он историк, оратор, переводчик, путешественник, комментатор, издатель чужих сочинений с своими предисловиями, участник в литературных предприятиях, корректор; пишет книги, которые не принадлежат к области учености, но на которые все ссылаются и которыми все пользуются, как вспомогательными способами для собственных сочинений, даже ученых. Словом, литератор – *всё*, что вам угодно, и собственно *ничего*, потому что, ставши *чем-нибудь*, он делается или поэтом, или ученым в какой-нибудь сфере знания. Но это нисколько не унижает звания литератора: литератор есть лицо необходимое, человек действительный, и если он приобрел влияние на публику, то играет в современности роль

^{6} Романы Греча – «Поездка в Германию» (СПб., 1830) и «Черная женщина» (СПб., 1834); повесть – «Отсталое. Будущая повесть» («Библи. для чтения» 1834, № 6).

историческую, в большей или меньшей степени. Его имя принадлежит истории литературы народа, а следовательно, и его просвещения, поколику литература есть выражение, сознание умственной жизни народа.

Г-н Греч написал несколько грамматик,^[7] из которых хотя ни одна не уничтожает живейшей потребности лучших учебных книг, но которые все принадлежат к лучшим сочинениям в этом роде. Скажем более: его грамматики суть важные явления в истории нашего языка, и с них начинается основательнейшее его изучение. Прежде при изложении правил русского языка более обращали внимание на язык: г. Греч обратил внимание на *русский* язык, на его видовые особенности, и потому его грамматики – драгоценная сокровищница, неисчерпаемый рудник материалов для изучения русского языка и составления грамматик. Это самая блестящая его заслуга, самое важнейшее его участие, в деле отечественного просвещения. Г-н Греч издал «Учебную книгу русской словесности»,^[8] в которой в первый раз была оставлена школьная риторическая теория и сделана попытка – дать понятие о всех родах сочинений так, чтобы юношество могло судить о литературе не по школьному образу мыслей, а по тому, который господствует в обществе, и дать правила, руководствуясь которыми юношество могло бы выучиться написать и письмо, и деловую бумагу, и записку, словом, всё, что требуется в жизни, а не хрии, порядковые и автониановские,^[9] которые пишутся в классах на заданные темы, а в жизни и литературе ни к чему не служат, а только делают из людей тяжелых педантов. Конечно, понятия, изложенные в этой учебной книге, не все новы, не все сообразны с современным взглядом на искусство и литературу, не отличаются наукообразным изложением и строгостью системы; но книга заслуживает внимание уже по одному тому, что не похожа на все бывшие и до нее и после нее опыты в этом роде. Автор его сделал свое дело и в праве сказать своим порицателям: «Сделайте лучше». Приложенная при книге хрестоматия, составляющая самую значительную ее часть, если не отличается строгостью в выборе пьес, зато знакомит почти со всеми писателями, игравшими сколько-нибудь значительную роль в нашей литературе. Автор присовокупил даже к своей истории литературы отрывки из древних и старинных сочинений, отрывки из переложений псалмов Симеоном Полоцким, из сатир Кантемира, «Телемахиды» и «Деидами» Тредьяковского. Самая история литературы есть драгоценный сборник материалов для истории русской литературы, ручная настольная книга для литератора и всякого любителя отечественной литературы, справочный адрес-календарь действовавших на поприще русского слова. Труд не блестящий, но бесценный и стоивший своему автору больших трудов. Как жаль, что во всех последующих изданиях, после 1822 года, эта история сокращена автором. Какой бы драгоценный подарок сделал г. Греч русской литературе, если бы значительно пополнил этот труд и издал его особенною книжкою!

Возьмите *пятую* часть полного собрания сочинений г. Греча; она вся состоит из отдельных статей, из которых каждая имеет свое достоинство и по содержанию и по изложению. Между ними вы особенно заметите следующие: «Взгляд на историю русского театра», драгоценный материал для истории русского театра, собрание фактов, которые могли бы совершенно затеряться, труд, для которого надо иметь много терпения и много средств, а главное – много охоты, которую редкие имеют; «Некрологи», которые представляют краткий

^[7] Наиболее известные грамматики Греча: «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. – 1834), «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. – 1830), «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828; 6-е изд. – 1838).

^[8] «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы» вышла в 1822 г. (изд. 2-е – в 1830–1833 гг.).

^[9] Хрия – термин школьной риторики, означающий систему правил для развития предложенной темы. В «Общей реторике» Кошанского (см. ИАН, т. III) приводилось 24 приема к «приобретению и расположению мыслей». Древнейший сборник хрий был составлен ритором Афтонием или Автонием (III–IV вв.), от имени которого и самые хрии получили название автониановских.

фактический обзор литературной и ученой деятельности Карамзина, Шуберта, Федорова; «Литературные очерки и воспоминания», в которых найдете обозрения русской литературы за несколько лет и факты и подробности о Гнедиче, Мартынове, Сомове, Сухтелене, немецкой писательнице Элизе фон-дер-Рекке, Крюковском, Никольском. Тут вы найдете статью «Московские письма», где заметите приятный рассказ, многие удачно схваченные черты наших обеих столиц, несколько резких и верных замечаний и мыслей о том и о сем. Всё это изложено прекрасным языком, умно, живо, занимательно. Вот что такое литератор и вот что такое – Греч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания